

Опилкин Алексей Сергеевич* кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора анализа и оценок Центра гуманитарных исследований РИСИ.

Динамика памяти: Вторая мировая война и общество ФРГ¹

Несмотря на то, что Вторая мировая война стала трагедией для многих народов, память о ней в разных странах Европы отличается. В одних европейских государствах она не смогла заслонить собой драму Первой мировой войны, продолжающую считаться Великой, в других стала точкой отсчёта современности на индивидуально-семейном и/или официально-политическом уровне. Несомненно, к числу вторых относится Германия.

Один из ведущих специалистов ФРГ по культуре памяти доктор Алейда Ассман на примере памяти о Второй мировой войне в Германии постаралась ответить на несколько ключевых вопросов: Какие типы памяти о значимых событиях прошлого существуют? Каковы механизмы передачи памяти? Как изменялось отношение к памяти о войне в немецком обществе? Как связана память о прошлом с идентичностью? Как настоящее влияет на восприятие прошлого? Какие "тени прошлого" Второй мировой войны и как присутствуют в публичном пространстве ФРГ?

Междисциплинарное исследование А. Ассман состоит из двух частей — теоретической и прикладной, хотя такое деление условно в силу специфики предмета исследования. Предметом является мемориальная культура ФРГ, длительное время находившаяся в "тени" Второй мировой войны и продолжающая испытывать её влияние до сих пор. Динамичность предмета обусловила своеобразный характер его описания и анализа, сделав сочинение А. Ассман не столько научной монографией, сколько философским трудом, книгой-размышлением о влиянии трагедии прошлого на немцев и Германию.

В первой части автор обращается к накопленному опыту различных направлений антропологии, в частности к трудам Э. Ренана, М. Хальбвакса и ряда других авторов, признанных классиками в исследовании памяти. Важными представляются размышления автора о включенности человека в социальные объединения разного порядка, расширяющие его память далеко за пределы индивидуального опыта. Из этого проистекает разделение памяти на четыре уровня, называемые формациями памяти,

*aleksey_opilkin@mail.ru.

¹ Рецензия на книгу: *Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика* / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

которые определяются по типу субъекта и характеру передачи: память индивидуума, социальной группы, нации и культуры (с. 19). Как видно, А. Ассман старается использовать все доступные теоретические разработки для описания текучих процессов памяти, от метафор М. Маклюэна до подхода Ф. Броделя.

Учитывая, сколько лет прошло после Второй мировой войны, А. Ассман справедливо уделяет значительное внимание ключевой особенности индивидуальных воспоминаний — их бытию в пространстве "трёх поколений", ограниченном 80–100 годами — периоде одновременной жизни нескольких поколений семьи, представители которых имеют возможность лично делиться воспоминаниями с детьми и внуками. Тем самым последние включаются в более широкий временной контекст, который естественным образом изменится через те же 80–100 лет, уступив место воспоминаниям следующих поколений семьи (с. 22). Очевидно, что в начале XXI в. мы переживаем именно этот процесс перехода живой памяти о войне, передающейся очевидцами устно, в другую форму памяти, которую условно можно назвать "медиаторной" (сама А. Ассман предпочитает термин "культурная память").

Особенность культурной памяти в том, что её носителями являются не отдельные люди, а "символические медиаторы, которыми пользуются индивидуумы" считает А. Ассман (с. 30). В силу этого культурная память по определению имеет межпоколенческий характер и может быть неограниченна во времени (если есть возможность сохранять и передавать для усвоения другим символические медиаторы — тексты, изображения, монументы, ритуалы). На протяжении всей книги автором рассматриваются эти две формы памяти — индивидуальная и культурная, их особенности и постепенный переход воспоминаний современников о прожитом в память о прошлом потомков. Это первая красная линия исследования.

По мнению А. Ассман, существует тесная связь памяти о прошлом, бытующей в больших социальных группах, и идентичности этих групп. По сути, коллективные субъекты (нация, фирма или другое объединение людей) конструируют свою память, тем самым конструируя собственную идентичность (с. 33). Влияние памяти на создание и/или укрепление идентичности — вторая красная линия книги.

Во второй, практической части, основное внимание автор уделяет анализу процессов и структуры памяти о Второй мировой войне в ФРГ, которая во многом отличается от памяти о войне в других странах. Национальная память, как правило, концентрируется на победах, но иногда она строится на жертвенности, концентрируясь на знаковых поражениях, память о которых содержит в себе посыл *не забыть*, чтобы *не повторить* (с. 66–67). ФРГ представляет собой яркий пример именно такого построения памяти и идентичности "от противного". Характерно, что риторическим выражением такого отношения к прошлому стала фраза-девиз "Никогда больше!", и сегодня периодически звучащая на высшем политическом уровне страны.

А. Ассман пытается понять и объяснить практики вытеснения памяти о периоде нацизма, распространённые в ФРГ в 1950–60-е гг., часть из которых продолжала существовать до конца XX в. В частности, "вымывание"

воспоминаний о периоде нацизма из общественного пространства в личную, реже — семейную среду в первые послевоенные десятилетия. Сюда же относится малоизвестный, но много говорящий о стремлении отринуть прошлое факт: среди немецких либералов долгое время было не принято скорбеть о погибших в войну немцах, "считалось, что это для правых националистов и оставшихся в живых современников"; мало того, соблюдение этой неписаной нормы не осознавалось ими вплоть до 1990-х гг. (с. 116). Также долгое время не принято было говорить о жертвах "бомбовой войны" союзников против Германии (с. 199).

Ещё один пример вытеснения связан с Холокостом — 6 млн убитых евреев противопоставлялись 7 млн немцев, бежавших или изгнанных с территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии и других восточноевропейских стран. В политическом дискурсе ФРГ такой "взаимозачёт" жертв был допустим вплоть до конца 1970-х гг. (с. 207).

Очевидно, что замалчивание, вытеснение, различные варианты искажений — это тоже форма отношения к прошлому. Также очевидно, что негативные составляющие коллективной памяти о войне, которые долгое время отсутствовали в общественном пространстве, рано или поздно должны были быть в нём представлены. Учитывая тот факт, что центральным компонентом немецкой памяти о войне стали многомиллионные жертвы народов Европы (евреев, цыган, поляков, народов СССР), в ФРГ возникло стремление и немцев представить в качестве одной из жертв нацизма и войны. На сегодня в рамках официальной риторики этот процесс практически завершён².

Анализируя влияние настоящего на восприятие прошлого (по сути, господствующего политического дискурса на "рамки памяти") А. Ассман приводит интересные описания конформистских практик в немецком обществе в конце Второй мировой войны и после её окончания (см. с. 169, 180–181). Выясняется, что ещё до окончания войны значительная часть немцев на оккупированных союзниками территориях начала прибегать к приёму перекладывания ответственности за войну на... Гитлера и нацистов как на какую-то внешнюю силу (с. 185–186). Показательно, что аналогичный приём, правда в более мягком варианте, начал фигурировать в выступлениях первых лиц ФРГ на мемориальных мероприятиях в начале XXI в., в рамках признания различных категорий немцев жертвами Второй мировой войны.

Приводя результаты исследований социального психолога Х. Вельцера, А. Ассман заключает, что социальная память пластична, склонна подстраиваться под доминирующие моральные рамки, и в случае с Германией наблюдается диссонанс между официально заявляемым отношением к прошлому и памятью, сохраняемой на семейном уровне (с. 194–196). Отметим, что разница между официальной и приватной памятью о войне, судя по опросам общественного мнения ФРГ, постепенно сокращается по мере перехода индивидуальной памяти в "медиаторную".

² Необходимо отдать должное высшим лицам ФРГ: они справедливо выделяют самые разные категории жертв нацистского режима периода войны, включая не только гражданское население, но и, например, советских военнопленных, массово уничтожавшихся в нацистских лагерях.

Новый этап отношения к прошлому, наиболее активно начавшийся в 1980-е гг. в результате напряжённых общественных дискуссий и под влиянием высших лиц ФРГ, привёл к постепенному внедрению новой, доминирующей сейчас социальной нормы отношения к прошлому³.

Что касается механизмов связи памяти и идентичности, здесь заслуживает внимания утверждение автора о приобщении к национальной памяти за счёт участия в повторяющихся ритуалах, в первую очередь в национальных праздниках, памятных датах, в рамках которых "прошлое трактуется, коммуницируется и переживается таким образом, что оно оказывается настоящим" (с. 225). А. Ассман раскрывает механизм, в рамках которого памятная дата служит спусковым крючком для запуска процесса "мы-инсценирования", т. е. оживление памяти о прошлом создаёт или укрепляет коллективную идентичность (с. 252–253).

Резюмируя, можно сказать, что у доктора Алейды Ассман получилось дать целостный вариант описания и объяснения сложных и во многом остающихся мало разработанными проблем динамики и взаимосвязи индивидуальных и коллективных воспоминаний, выступающих важным фактором идентичности. Несмотря на временной лаг между выходом книги в Германии и России в 8 лет, междисциплинарный подход А. Ассман, а также большинство её рассуждений и примеров заслуживают пристального внимания и вносят серьёзный вклад в понимание динамики памяти о важных исторических событиях в целом и применительно к ФРГ в частности.

Ключевые слова: *Алейда Ассман — Вторая мировая война — культурная память — индивидуальная память — Германия.*

Keywords: *Aleida Assmann — World War II — the cultural memory — the memory of the individual — Germany.*

---

³ См. например: *Пименова Е.В., Опилкин А.С.* ФРГ. От искупления к примирению // *Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС.* М.: РИСИ, 2015. С. 269–303.